

Владислав Стельмах

Институт Культурологии Министерства культуры РФ

Наталья Скоробогатых

Институт Востоковедения РАН

АБОРИГЕННЫЙ ВЫЗОВ - ПОСТСОВЕТСКИЙ ОТВЕТ: МОЖНО ЛИ ИЗБАВИТЬ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ РОССИИ ОТ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ШОКА?

РЕЗЮМЕ

Текст занимается проблематикой аборигенных народов Российской Федерации в постсоветский период. Авторы первыми дают определение аборигенного народа, пользуясь предложением Международной Организации Труда или же ее Конвенции ном. 169, в которых предлагаются два критерия (догосударственное общество, традиционное хозяйство и т.д., а, с другой стороны, наличие специфического мировосприятия, включающего сакрализацию природы). Из этого вытекает, что согласно подобным критериям 26 народов на Севере и Дальнем Востоке Российской Федерации могут считаться аборигенными. Они составляют в общей сложности 9% населения этих областей. В настоящее время они переживают кризис, обусловленный и общим модернизационным шоком, и специфическими российскими условиями (включая наследие советской эпохи). Авторы рассматривают три вида реакции на модернизацию. Отдельные представители могут стремиться к полной адаптации, однако на групповом уровне это означает потерю этнической самобытности. С другой стороны, полное отсутствие адаптации не является для России существенным. В противоположность этому преобладает неполная адаптация. Далее в тексте авторы анализируют документы 1990-х годов, определяющие основные направления развития аборигенных народов в условиях модернизации и формирования нормативно-правовой системы, направленной на защиту их статуса и способствующей их развитию. Однако заметно, что на федеративном уровне еще не разработано общее законодательство, так что региональный уровень вынужден взять на себя эту инициативу. Регионы (республики и автономные области) должны изыскать и концептуальные и конкретные решения, хотя советский опыт показывает, что эти решения должны быть разделены между федеральным и региональным уровнями. В случае нарушения этой координации модернизационные процессы, влияющие на аборигенное население, лишаются эффективного и полного механизма регулирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аборигенные народы, Россия, модернизация, этничность, правовое регулирование

Чтобы уяснить смысл этого вызова нужно четко определить, какие народы России следует отнести к аборигенным и почему. Единственная возможность отделить понятие “коренные народы” от терминов типа “малая этническая группа” или “этническое меньшинство” обратиться к Конвенции № 169 Международной Организации Труда (МОТ) 1989 г.¹ Она содержит два базовых критерия причисления этноса к аборигенам (они же - автохтоны; население, ведущее, племенной образ жизни; “четвертый мир”; традиционное общество):

А) наличие особых черт социальной организации, сохранившихся с догосударственной стадии их существования; ведение в большей или меньшей степени традиционного хозяйства; остатки коллективного землевладения и землепользования. Все это в быстро модернизирующихся обществах обуславливает маргинальное положение таких этносов в системе социоэкономических связей страны проживания.

Б) Специфика мировосприятия - мифологические представления о порядке вещей, сакрализация природы, земли и ее ресурсов. Отношение ко всему этому чисто как к собственности, которую можно использовать, а потом бросить или продать, осуждается традиционной этикой: земля, напротив, рассматривается как дар Божий, вверенный нынешним поколениям для пользования и передачи потомкам в целостности и сохранности. Именно несоответствие представлений традиционалистского и современного сообществ и является одним из основных барьеров на пути модернизации коренного населения.

На Севере и Дальнем Востоке Российской Федерации в настоящее время проживает 26 этносов, которые в соответствии с международными критериями могут быть причислены к аборигенным: ненцы (35 тыс. чел.), эвенки (30 тыс.), ханты (25 тыс.), эвены (17 тыс.), чукчи (15 тыс.), нанайцы (12 тыс.), коряки (9,2 тыс.), манси (8,5 тыс.), долганы (6,9 тыс.), нивхи (4,7 тыс.), селькупы (3,6 тыс.), ульчи (3,2 тыс.), ительмены (2,5 тыс.), удэгейцы (2,0 тыс.), саами (1,9 тыс.), эскимосы (1,7 тыс.), чуванцы (1,5 тыс.), нганасаны (1,3 тыс.), юкагиры (1,1 тыс.), кеты (1,1 тыс.), орочи (0,9 тыс.), тофалары (0,7 тыс.), алеуты (0,7 тыс.), негидальцы (0,6 тыс.), энцы (0,2 тыс.), ороки (0,2 тыс.). Совокупная доля их среди населения северных территорий - не более 9%. Семь коренных этносов (долганы, коряки, манси, ханты, чукчи, ненцы, эвенки) имеют свои

¹ Конвенции и рекомендации, принятые Международной Организацией Труда. 1957-1990. Женева, 1991, т.11, с.2193-2207. Обзор международного аборигенного права см.: *Indigenous Peoples: Global Quest for Justice*. L., 1987. Chapt. 8.

автономные образования - Округа; еще пять (ительмены, нганасаны, эскимосы, энцы, чуванцы) - полностью, а три (селькупы, юкагиры, эвены) - почти полностью живут в "чужих" АО. Остальные расселены в обычных административных районах российских краев и областей.²

Современное положение коренного населения России можно охарактеризовать только как кризис, выражающийся в: 1) тесно связанных между собой упадке традиционных хозяйственных занятий (снижение поголовья оленей и заготовок пушнины, сокращение улова рыбы и сбора морепродуктов и пр.) и общей декультурации (утрата самобытных черт культуры, исчезновение традиционных верований, сокращение области использования аборигенных языков и т.д.); 2) неполноценном участии в современном секторе экономики - уродливой модели занятости (сокращению числа работавших в традиционном секторе сопутствует рост полной безработицы или в лучшем случае некоторое увеличение количества неквалифицированных, низкооплачиваемых работников); 3) демографической катастрофе - низкой рождаемости и высокой смертности, а также усилившейся метисации, которые обусловили перманентную тенденцию снижения общей численности аборигенных групп; 4) плохом состоянии здоровья северян-автохтонов, усугубляемом их алкоголизацией, которая сама по себе выступает в качестве первопричины многочисленных несчастных случаев, роста кривой самоубийств, девиантного поведения и т.п.³

В наиболее обобщенной форме причинами всего этого принято считать, во-первых, модернизационный шок: традиционные культуры, как известно, всегда испытывают напряжение при контакте с современной индустриальной или постиндустриальной цивилизацией, и коренные народы Севера в этом смысле не исключение.

Во-вторых, в России контакт аборигенных этносов с доминирующим обществом с начала 1930-х по начало 1990-х гг. был отягощен грубейшим вмешательством советского государства в их традиционную жизнедеятельность. А между тем культуры этих народов ввиду крайней их малочисленности и теснейшей зависимости от экологического баланса на Севере были и остаются наиболее уязвимыми и незащитными в отношении любого давления. Поэтому-то индустриализация, коллективизация и иные подобные

2 Ввиду отсутствия более точных данных численность коренных народов российского Севера и Сибири приводится по: Российский статистический ежегодник. М., 1995, с.25-26.

3 Подробнее о кризисе и его причинах см.: Бабаков В.Н. Кризисные этносы. М., 1993; Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М., 1989; Вахтин Н.Б. Коренное население крайнего Севера Российской Федерации. СПб., 1993.

“достижения” сделали неизбежные и во многих случаях нужные инновационные изменения объективно вредными.

В-третьих, для коренного населения была и продолжает оставаться актуальной неопределенность их правового статуса, то есть системы особых законодательных установлений для защиты их самобытности, культур и природной среды на территориях проживания. Иными словами, аборигенное население в советское время (и теперь) по сути дела не имело ни соответствующих социополитических институтов, ни особых, разработанных специально для них правовых механизмов, позволявших как-то компенсировать негативные стороны модернизационных сдвигов, происходивших в СССР и постсоветской России.

Существует, однако, и четвертая причина, сделавшая результаты контакта аборигенного и современного обществ страны столь плачевными: игнорирование точки зрения самих коренных жителей об их месте в плюралистическом российском социуме, то есть - фактическое отстранение людей от решения вопроса о своих судьбах. Строго говоря, на протяжении дореволюционного и советского периодов российской истории никто никогда всерьез не спрашивал мнения представителей аборигенных групп относительно того, что же им нужно. И только в условиях демократизации и открытости дискуссий перестроечного и постсоветского времени начала вырисовываться собственная позиция коренных жителей Севера России. На рубеже 1990-х гг. с ними произошло тоже, что с индейцами США в 1960-е гг. или Канады - в 70-е - “молчаливое меньшинство” вдруг без посредников в открытую заговорило о наболевших проблемах.

Чтобы избавить читателя от бесконечного цитирования, проанализируем взгляды коренных народов Севера на адаптационные процессы, идущие среди них⁴, посредством схемы, в основу которой положены типы восприятия различными группами аборигенов того, как, по их мнению, должны идти модернизационные процессы и каков их ожидаемый результат:

4 Со взглядами коренных северян можно познакомиться, к примеру, изучая полемику на страницах журнала “Северные просторы” за 1989-1992 гг.

ВОСПРИЯТИЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

ПОЛНАЯ АДАПТАЦИЯ	НЕПОЛНАЯ АДАПТАЦИЯ	ОТСУТСТВИЕ АДАПТАЦИИ
АССИМИЛЯЦИЯ	МАРГИНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ	ЭСКАПИЗМ
ДЕЭТНИЗАЦИЯ	ЭТНИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ	ЭТНИЧЕСКАЯ САМОИЗОЛЯЦИЯ

Итак, относительно модернизации и сопутствующим ей изменениям коренные жители выразили три типа мнений. В пределах выделенного типа №1 речь идет о наиболее энергичной, мобильной в социальном плане, восприимчивой к инновациям части северян-автохтонов. Попав под воздействие информационных потоков современного российского общества, они легко ко всему адаптировались. Опыт свидетельствует, что этот процесс обычно шел на основе обретения индивидуумами соответствующего уровня образования и культурной компетентности, благодаря которым люди как бы переходили в иную, лучшую, по их мнению, систему социальных ориентиров и ценностей.

На уровне персонального адаптирования к современным условиям рассматриваемая позиция олицетворяет практически эталонный ход освоения инноваций. Но на групповом уровне она имеет существенный изъян, так как не способствует сохранению этничности. Опыт многих индейских групп США продемонстрировал, что такого рода “переход” как правило, становился “пусковым механизмом” процесса групповой ассимиляции, которая, как известно, рано или поздно завершается полной или почти полной утратой этнического своеобразия. Если такая этнотрансформация происходит на добровольной основе и естественным путем, то это следует считать нормальным. Но если модернизация имеет своим результатом деэтнизацию какой-либо группы, вопреки ее стремлению сохранить свою идентичность, подобный результат указывает на неверно выбранную стратегию изменений.

В России рассматриваемое направление этно-социальных процессов на групповом уровне не могло получить развитие. Ассимиляционные ожидания отдельных индивидуумов реализовывались только в персональном порядке. В результате мы имеем практически полное отсутствие у коренных жителей Севера коллективных установок на ассимиляцию и как следствие того - потребностей в законах, облегчающих или же стимулирующих ее. Наоборот, советская политика их интеграции, проводимая на неприемлемой для коренного населения скорости и в унижающих их достоинство формах,

породила у некоторой его части отторжение инноваций. На приводимой выше схеме этот тип отношения к модернизационным сдвигам развивается в контексте направления № 3.

Данная модель групповых восприятий обычно связана с крайне неудачным опытом вхождения в современное общество, который приобретался сперва во время интернатского обучения, а затем в процессе общения с советской бюрократией. Это не могло не вызвать у многих аборигенов чувства перманентного социального дискомфорта при любых контактах с современным миром. Невозможность адаптации к новым условиям, препятствовавшая полноценной социальной интеграции, переходила у них в резкое неприятие всего того, что на уровне обыденного сознания ассоциировалось с нововведениями.

На подобной основе возникли разного рода эскапистские настроения. Стремление любой ценой избавиться от влияния доминирующего общества стимулировало демонстративную реставрацию традиционного образа жизни. Этническое своеобразие при этом фетишизировалось, ибо оно выступало в качестве средства, ограждавшего группу от враждебной в ее понимании техногенной среды. Ожидаемым результатом такого поведения выступала этническая самоизоляция - "оукливание" малочисленной группы, выражающееся в стремлении поддерживать свою целостность и единство за счет закрытости по отношению к социальной макросреде. Описанные установки могли трансформироваться в требования активизировавшихся среди северян-аборигенов крайних традиционалистов - закрытие границ АО, превращение этих автономий в республики с выдворением оттуда в одночасье некоренного населения и пр. С такого рода антимодернизационными взглядами можно столкнуться не только в митинговой среде, но и при изучении периодики. Важно, однако, подчеркнуть, что данная точка зрения среди коренных жителей Севера непопулярна, а внимание, уделяемое ей средствами массовой информации явно преувеличено.

В целом же доминирующее среди активной части коренного населения отношение к модернизационным процессам и перспективе своего этнического развития в рамках современного общества и государства укладывается в направление № 2 предложенной схемы. Его содержание определяется двумя позициями: а) негативным отношением к нынешнему маргинальному положению, в котором этнокультурные комплексы аборигенов оказались в результате попыток насильственного интегрирования в советское общество; б) стремлением малочисленных народов Севера к конструктивному взаимодействию с российским обществом, к позитивному социо-экономическому

развитию, но с учетом сложившейся ситуации, специфики своей социальной организации и главное - не в ущерб этническому своеобразию.

Суть идей, отражающих данный подход, выражена в “Декларации свободного развития народов Севера”, принятой в 1991 г. Международной, параллельной СБСЕ Конференцией народов Севера.⁵ В ней видны три основные концептуальные положения: а) стремление сохранить в современных условиях свою этническую самобытность; б) превращение аборигенных групп России из объекта модернизационной политики в ее активный субъект; в) выявление баланса между общегражданскими и дополнительными правами коренных народов.

Намерение отстоять этническое своеобразие в условиях тотального нивелирования социокультурных различий, типичного для современного мира, является важнейшим компонентом “Декларации”. Северяне-аборигены считают важным соблюдение их права не только сохранять свои этнокультурные особенности, но и “права на этническое возрождение и уважение своей культурной специфики и традиций”. К этому примыкает “право на возвращение культурной, религиозной и духовной собственности, отчужденной без их свободного и осознанного согласия или в нарушение их обычаев и законов” (ст. 4, 6).

Под эти углом рассматриваются пути развития духовной культуры (родной язык, духовные и религиозные традиции, обычаи и обряды). Аборигены российского Севера настаивают на уважительном отношении доминирующего общества к их праву возрождать, использовать и передавать будущим поколениям свои языки, фольклор, письменность и литературу; давать общинам и отдельным лицам возможность сохранять/восстанавливать традиционные имена; блюсти и защищать места захоронения предков, религиозные и культовые места, а также иметь доступ к ним без присутствия посторонних (ст. 7-8).

Особый характер связей традиционных культур с окружающей средой определяет экологический характер подхода к проблеме сохранения коренным населением земельной базы. Они убеждены, что их собственные законы и обычаи, системы пользования землей и природными ресурсами - важная часть их культурного богатства. Поэтому аборигены России и впредь намерены сохранять прочные связи с природным комплексом, включая всю окружающую среду суши, вод, воздуха и морей, которые они исторически и традиционно

5 “Полярная почта”, 1992, N2.

используют. Государству же следует принять меры, направленные на предотвращение любого необоснованного вмешательства в эту сферу (ст. 13).

Касательно активизации участия коренных жителей в выборе стратегии дальнейшего развития “Декларация” подчеркивает их право на самоопределение, соответствующее международной практике. Оно трактуется как возможность свободно: определять свои взаимоотношения со страной проживания; осуществлять экономическое, социальное, культурное и духовное развитие; выбирать формы самоуправления в соответствии со своими историческими традициями (ст. 1). То есть общий вектор динамики развития, как явствует из документа, направлен не в прошлое, а в будущее: не “назад, в чумы”, а в сторону постепенного вхождения современное общество, но не на индивидуальной основе в качестве полуассимилированных маргиналов, а как целостные этнические общности.

В плане поисков приемлемого баланса между общегражданскими и дополнительными правами, гарантирующими сохранение самобытности, в документе подчеркивается: коренные народы имеют право на полное и эффективное осуществление всех прав человека и основных свобод, которые признаются Уставом ООН и другими международными документами по правам человека, а также индивидуальное право на физическую и психическую неприкосновенность, свободу, личную безопасность и доступ к любым уровням образования (ст. 2, 3, 9). Эти общегуманитарные установления дополняется рядом специфических запросов: а) уважение достоинства, своеобразия культур, истории и традиций коренных жителей России средствами массовой информации; б) надлежащая финансовая и техническая помощь как со стороны государства и заинтересованных организаций, так и на основе международного сотрудничества для свободного осуществления своего экономического, социального и культурного развития; в) справедливая компенсация, если возможно в территориальной форме, за земли, которые были когда-либо заняты или использованы с нанесением ущерба окружающей среде; г) специальные меры по защите традиционных компонентов их интеллектуальной собственности (литература, рисунки, визуальные и исполнительские искусства, знание полезных свойств фауны и флоры); д) создание своих систем образования и учебных заведений и контроля за их деятельностью (ст. 10-16).

Как показывает мировой опыт все это вполне достижимо при наделении особым правовым статусом автономии аборигенных сообществ, хотя полностью подобная ориентация в более отдаленной перспективе не выдерживается. Использование достижений прогресса (бытовая техника, новая одежда и пища, средства передвижения и коммуникации) не просто вводит в

жизнь аборигенов категории и понятия постиндустриального мира. Инновации обычно сопровождаются частичным отказом от соблюдения ими многих обычаев. Нечто подобное происходит и с традиционным хозяйственным укладом. Если его не удастся вписать в экономическую нишу (классический ее пример - возрожденное оленеводство у ряда аборигенных популяций в Скандинавии), он либо постепенно гибнет в условиях конкуренции, либо превращается в "этнографический бизнес" - сезонное производство сувениров для туристов и т.п. Иными словами, противоречивость переходного состояния культурного комплекса аборигенных групп в условиях модернизации выражена в сложности совмещения оберегающего и трансформационного подхода к одним и тем же компонентам культуры и образа жизни. Но если преодоление данного противоречия происходит внутри сообщества коренных жителей в рамках предоставленного им самоуправления и без прямолинейного внешнего воздействия, это препятствует перерастанию некоторого естественного культурного дискомфорта в конфликт с доминирующим обществом. Защищенные статусом от грубого давления извне люди обретают возможность принятия самостоятельных решений относительно сохранения или же отказа от некоторых традиций.

Декларирование установки на поэтапную интеграцию в современное общество было подкреплено детальной разработкой стратегии модернизационных изменений. В наиболее концентрированном виде она содержится в документе "Конвенция 26" (принята в Якутске Советом Ассоциации малочисленных народов Севера в 1990 г.),⁶ в которой по сути дела прописаны стадии адаптации традиционного этноса к реалиям техногенной цивилизации. Свои инновационные ожидания представители коренного населения намерены реализовать посредством "признания за ними особого статуса при полном равноправии с другими группами населения" (ст. 1). Особый аборигенный статус, трактуемый в духе Конвенции № 169 МОТ, включает в себя: 1) закрепление за народами Севера исключительного права собственности на их исконные земли, находящиеся в них полезные ископаемые, прибрежный шельф со всеми биологическими ресурсами; 2) создание на территориях их исторического проживания заповедных зон приоритетного традиционного природопользования или, хотя бы государственных природоохранных парков; 3) легализацию не только частного, но и традиционного общинно-родового пользования угодиями (ст. 4); 4) восстановление для коренного населения существовавшего в прошлом налогового иммунитета относительно традиционных способов жизне-обеспечения (ст. 7).

6 Там же.

Перечисленные установления, обеспечивающие экономическую базу традиционных хозяйственно-культурных комплексов, авторы документа дополняют предложениями о создании политико-правовых институтов, защищающих культурную самобытность 26 малочисленных народов Севера в условиях неизбежного и объективного воздействия на них общества современного типа. Для этого предлагалось восстановить в районах компактного проживания аборигенных групп самоуправление в форме родовых Советов, защищенное от демографического преобладания пришлого населения особыми избирательными процедурами (ст. 4). Основным же гарантом юридического статуса северян-аборигенов должны выступать федеральные власти. Им предлагалось оказывать законодательную поддержку самоуправлению коренных жителей (в том числе и на уровне поправок к Конституции), а также создать специальный фонд для финансовой помощи их инициативам за счет 12%-го отчисления от ежегодных доходов предприятий, министерств и ведомств, работающих на территориях исторического проживания аборигенов (ст. 3, 5, 6).

“Конвенция 26” интересна тем, что она в концентрированной форме излагает концепцию “вживания” аборигенов в современный мир России. Ее можно назвать неотрадиционализмом: апеллирует к ревитализации традиционных культур не с целью их обособления от всего “внешнего”, а для обретения сообществами коренных жителей минимума социальной стабильности в изменившихся условиях - в частности, прекращения маргинализации и установления более паритетных взаимоотношений с доминирующим современным обществом. Именно поэтому документ сочетает категории разных политических технологий: режима автономии (стремление к максимально допустимой самостоятельности в вопросах своего этнического развития) и режима патернализма (сохранение некоторых компонентов государственной опеки). Причем весьма существенно, что предложения коренных северян, в конечном счете, нацелены не на расширение списка льгот и привилегий для аборигенных групп, но на создание в России особой, соответствующей международным разработкам системы адаптирования их культур и образа жизни к техногенной цивилизации без растворения в ней.

Конечно, неотрадиционализм, как и любая модель, не является идеальной основой регулирования адаптационных процессов. Главный его недостаток в правовом аспекте - некоторый перекося в сторону групповых льгот, иногда неверно трактуемый как нарушение демократии. Впрочем, этот недостаток не является непреодолимым барьером. Ведь при проведении политики неотрадиционализма коренные народы обретают некоторые дополнительные коллективные права исключительно в районах компактного проживания и

только как члены официально зарегистрированных и структурированных общин. А чтобы получение аборигенами таких прав не становилось прецедентом для их распространения на иные социальные группы, как раз и необходимо своевременное принятие законодательства об особом статусе коренных народов.

В культурологическом аспекте главная издержка данной модели - избыточная активизация архаических компонентов культур коренного населения. Она на какое-то время может отодвинуть на второй план даже освоенные новшества. Однако драматизировать это не следует. В условиях рыночной (пусть формирующейся) экономики и проведения на государственном уровне модернизационной политики на российском Севере невозможно появление полностью замкнутого традиционалистского анклава, не попадающего в сферу хозяйственного, социального и информационного воздействия общества куда более современной организации. Поэтому аборигенный вызов в форме неотрадиционализма можно считать не просто одним из способов противодействия процессу деэтнизации коренных народов, но и приемлемой альтернативой патерналистским схемам их интегрирования в жизнь страны.

К сожалению, ответ постсоветского общества на этот вызов оказался недостаточным. Необоснованная пауза в разработке законов о юридическом статусе коренных жителей на федеральном уровне привела к тому, что правовой вакуум во взаимоотношениях традиционных и современного общества стал заполняться региональным нормотворчеством. В настоящее время за счет постепенного перераспределения властных полномочий от федерального центра к субъектам федерации предпринимаются попытки законодательного содействия решению проблем аборигенов на уровне АО или национальных республик. Примером, позволяющим судить о характере этих попыток, может стать одно из первых начинаний такого рода - Закон республики Бурятия 1991 г. "О правовом статусе эвенкийских сельских советов".⁷

В нем был сделан упор на обеспечении самобытного развития традиционного этноса в современной среде посредством правовой поддержки его культуры. Закон наделяет поселковые Советы эвенков полномочиями по: обеспечению сохранности и использованию их фольклорного, литературного и иного духовного богатства; организации обучения молодежи традиционным кустарным промыслам и прикладному искусству; созданию с помощью государственных и общественных организаций музеев и центров этнографии и

7 "Ведомости Верховного Совета Республики Бурятия", 1992, N3, с.65-70.

культуры. Советы также могли осуществлять меры по возрождению и использованию в соответствующих сферах эвенкийского языка (разработка программ обучения, методических рекомендаций, диалектных словарей; издание наглядных пособий, учебников и художественной литературы; подготовка кадровых воспитателей детских дошкольных учреждений и учителей школ на специальных факультетах и т.д.) (ст. 24, 26).

В связи с этим эвенкийские Советы наделялись исключительными правами в вопросах открытия национальных детских садов, малокомплектных школ, внешкольных учреждений, “исходя из потребностей населения, без ограничения численности учащихся”. Причем программы обучения в такого типа заведениях учитывают особенности традиционного образа жизни и труда эвенков (сезонные кочевки). Данные учреждения освобождаются от всех видов платежей в местный и республиканский бюджеты, а их закрытие осуществляется только по решению схода членов аборигенной группы (ст. 28-29).

Реализация на практике задач по защите этнокультурных прав и интересов эвенков Бурятии требовала расширительной трактовки полномочий их поселковых Советов в организации хозяйственной жизни на территориях компактного проживания. Но тут то и сказалась ограниченность законодателей республики, лишь указавших (без детальной проработки) на возможности Советов в плане: а) осуществления мероприятий по экономическому возрождению традиционных видов трудовой деятельности (оленоводства, охоты, зверобойного промысла, рыболовства) и обеспечению полной занятости трудоспособного эвенкийского населения в упомянутых отраслях; б) регулирования условий жизни и труда (распределение жилищного фонда, своевременная поставка из централизованных фондов продуктов питания, промышленных товаров, орудий охоты и лова рыбы и т.п.) (ст. 11). Что же касается механизмов обеспечения перечисленного, то они свелись к наделению крестьянских и родовых хозяйств, отдельных фермеров, оленеводов, охотников и собирателей правом реализации по собственному усмотрению (!) продуктов своей хозяйственной деятельности (ст. 16-17).

Сильной стороной закона Республики Бурятия является весьма тщательная проработка системы правовой поддержки этнокультурного развития аборигенного этноса, что, укрепляя его целостность и внутреннее единство, выступает как первооснова более успешного адаптирования к внешней социальной среде. Но ее, увы, перевешивают недостатки. Будучи классической мерой компенсационного характера, данное установление по сути дела игнорирует важные с точки зрения регулирования модернизационных изменений категории: структурные формы социальной организации тра-

диционного этноса; механизмы вхождения хозяйственных структур аборигенов в рыночную экономику региона. Остались вне юрисдикции закона и бюджетные затраты на модернизацию хозяйства эвенков, каналы финансовой поддержки социальной сферы и здравоохранения и пр.

Подобного типа несоответствия во многом обойдены в “Положении о статусе родовых угодий”, принятом в 1992 г. в Ханты-Мансийском АО.⁸ В нем впервые после революции 1917 г. легализовывалась территориально-родовая община, определяемая как “добровольное объединение граждан и семей, ведущих традиционный образ жизни и связанных между собой необходимостью сохранения условий традиционного проживания”. Орган управления общиной, выбранный на основании утвержденного ее членами Устава, наделялся правами юридического лица с момента регистрации. Его взаимоотношения с властями иного уровня регулировались ст.6. закона РФ “О местном самоуправлении”. Тем самым аборигенное самоуправление органично вписывалось в существующую административно-территориальную систему России.

В Положении содержится более глубокая юридическая проработка деталей аборигенного землевладения и землепользования. Водилось определение “родовые угодия” - естественно-природный комплекс территорий (леса, реки и их берега, озера, болота, луга, пастбища и др.), где исторически складывались образ жизни и формы традиционного хозяйства коренных жителей Ханты-Мансийского АО; устанавливались формы пользования этими угодиями: индивидуальная, семейная, общинная (ст. 1-4). Община наделялась правом регулировать въезд нерезидентов на территории, отведенные под традиционные занятия. Туда, в частности, запрещался въезд транспорта, заход речных судов, посадка летательных аппаратов без разрешения владельцев угодий, за исключением чрезвычайных ситуаций (пожар, наводнение, совершение уголовных и административных правонарушений) или движения по магистралям общего пользования и отведенным дорогам (ст. 24).

Как показывает мировой и отечественный опыт, когда речь идет о коренных народах, очень важно чтобы в условиях свободного рынка круг пользователей земельной базы традиционного этноса был защищен от конкуренции мигрантов. В этой связи рассматриваемый закон четко определяет своих бенефициантов. Преимущественным правом на владение родовыми

⁸ Сборник решений органов государственной власти и управления Ханты-Мансийского АО. Ханты-Мансийск. 1993, с. 45-60.

угодьями получили: 1) представители коренных народов Ханты-Мансийского АО и их потомки от смешанных браков, покинувшие места исконного обитания, но желающие вернуться туда для ведения традиционного хозяйства; 2) старожилы (независимо от этнических корней), живущие на территориях приоритетного природопользования и занятые традиционными для хантов или манси видами деятельности; 3) новопоселенцы (также независимо от происхождения) “в случае принятия их в состав общины и наделения угодьями для занятия традиционными видами хозяйствования” (ст. 7).

Во избежание же латентных спекуляций землей родовые угодья не являются объектами купли/продажи, но предоставляются в бесплатное пожизненное наследуемое владение. Дарение или иное отчуждение, залог или передача таких угодий в обеспечение обязательств не допускается (ст. 12). Приведенные ограничения касательно земельной базы традиционного этноса следует рассматривать как обыкновенную для правового государства форму регулирования землепользования для придания ему целенаправленного характера; оно аналогично, скажем, запрету перевода жилого фонда города в производственный.

Коль скоро назначение родовых угодий целевое, их пользователям предлагается заниматься на них в первую очередь охотой, рыболовством, оленеводством, сбором дикоросов и пр. При этом Положение обязывает членов родового сообщества обеспечивать сохранность и воспроизводство угодий, не допускать ухудшения там экологии (ст. 12-13, 17). Такой акцент на преимущественном развитии традиционного сектора экономики аборигенов вполне уместен. Ибо его реконструкция в условиях асимметрической взаимосвязи малой этнической группы с современным обществом играет роль экономического стабилизатора ее внутренней социальной гармонии, без которой инновационная политика государства становится неэффективной. Притом важно, что Положение, гарантируя полную собственность владельцев родовых угодий на произведенный на них продукт (ст. 15-16), не замыкает традиционный сектор на нуждах семейного потребления и не препятствует подключению его, например, к региональному рынку.

Положение Ханты-Мансийского АО также не мешает и развитию современных форм экономики на землях родовых сообществ. Оно допускает предоставление общинных земель под промышленные нужды (строительство предприятий, дорог, добычи нефти, газа, прокладки трубопроводов, иное нецелевое хозяйствование). Для получения согласия жителей общины на землеотвод под такие нужды проводится референдум. Аналогичная процедура применяется при изыскательских работах: геодезических, поисковых и др.

Поскольку разрешение может быть общиной отозвано, используемые территории не выходят из-под ее контроля (ст. 21-22).

Общий режим природопользования регулируется в соответствии с действующими внутри сообщества коренных жителей правилами. К примеру, лесозаготовки осуществляются с условием полного возмещения ущерба, причиненного угодьям, и выплаты владельцам участков или общине части прибыли. Договоры, заключенные в нарушение установленного порядка или наносящие ущерб экологии родовых угодий, признаются недействительными. Контроль за соблюдением природоохранного законодательства осуществляется общинными властями с помощью местных администраций (ст. 18, 22-23). Исходя из опыта зарубежных стран, логично предположить, что данное установление позволит лучше защитить аборигенные территории от экстенсивной эксплуатации со стороны частных корпораций даже в условиях недостаточного природоохранного законодательства в России.

Аналогично проблема правовой поддержки развития традиционного этноса в меняющихся социальных условиях решается и в одноименном "Положении" Корякского АО 1992 г.⁹ И таким образом, содержание законодательных норм обоих автономных округов позволяет говорить о них как о неплохих проработанных программах экономико-социальной и культурной реабилитации традиционных этносов с двойной целью: а) вовлечения занятых в обновленном традиционном секторе экономики аборигенов в систему хозяйственных связей, скажем, региона; б) осторожном, с минимумом деструктивных последствий для людей и природы развитии на территориях проживания коренных жителей современных отраслей экономики. Поэтому есть все основания утверждать, что упомянутые законы закладывают, по крайней мере - на уровне отдельно взятых АО, основы правового регулирования инновационных изменений экономики и социальной структуры традиционных этносов в падающем режиме, без ущерба для их этнической специфики.

В ином ключе попытка заполнить вакуум в сфере аборигенного права была предпринята в республике Якутия (Саха) посредством Закона 1992 г. "О кочевой родовой общине малочисленных народов Севера".¹⁰ Она создается при соблюдении следующих условий: ведения этнической группой традиционных видов хозяйственной деятельности; добровольности объединения; духовного единства членов общины; выборности руководящих органов (ст. 1). Ее членами могут быть как представители коренных меньшинств Якутии (эвены, эвенки, юкагиры, чукчи, долганы), так других малых этнических общностей Севера

9 "Ведомости Совета народных депутатов Корякского АО", 1992, N46, с. 8-11.

при условии постоянного проживания на территории данной общины и ведения традиционного хозяйства (ст. 2).

Специфика правовой разработки якутских законодателей состоит в трактовке ими территориально-родовой общины как особого института гражданского общества, расположенного как бы между аборигенами-индивидуумами и государственными структурами. Отсюда и проистекало повышенное внимание к установлению оптимального соотношения общегражданских и особых (связанных с социо-культурной спецификой) прав аборигенных групп на территории республики, где доминирует не только пришлое русское, но и титульное якутское население. Поэтому в законе можно выделить условно две части.

К первой из них относятся статьи, обеспечивающие приемлемый для традиционных этносов режим их участия в современном мире. Прежде всего община, исходя из собственных интересов, определяет направление своей экономической активности, структуру и объемы производства; контролирует сохранность и воспроизводство окружающей среды. Для обеспечения занятости своих членов она вправе осуществлять любые виды деятельности в порядке, установленном законодательством Якутии и РФ, с возможностью вступления в ассоциации, союзы и т.п. для организации и координации совместного предпринимательства (ст. 20, 21).

Родовое сообщество также выступает и гарантом безукоснительного соблюдения в отношении его членов общегосударственных стандартов социального страхования и обеспечения (пособия по временной нетрудоспособности и другие пособия по линии государственного социального страхования; исчисление трудового стажа; пенсия; безопасные условия труда; минимальный размер заработной платы; предоставление основного и дополнительного отпусков продолжительностью не менее установленной государством и других льгот). Члены общины, как и остальное население республики, пользуются правом на бесплатное здравоохранение и образование (ст. 24).

Вторая часть Закона - это статьи, гарантирующие особые групповые права аборигенных сообществ республики в районах их компактного проживания. Прежде всего оговаривается особый характер владения аборигенами землей и природными ресурсами, передаваемыми общине безвозмездно и бессрочно, единым массивом, с расположенными на них оленьими паст-

10 "Якутские Ведомости", 1993, N1, с. 5-8.

бищами, сельскохозяйственными, охотничье-рыболовными и иными угодьями. Все эти территории без согласия аборигенного сообщества не подлежат отчуждению под промышленное или иное освоение, не связанное с традиционным производством (ст. 8).

Далее, в законе фиксируются преференции традиционного сектора экономики общины. Ей, равно как ее отдельным членам, предоставляется преимущественное право на использование возобновляемых биоресурсов, включая право на отстрел диких животных и ловлю рыбы (кроме внесенных в Красную книгу) в течение круглого года в промысловых угодьях и водоемах (кроме нерестилищ) всеми разрешенными способами для обеспечения своей семьи питанием. На общинных землях могут создаваться на договорных условиях и фирмы или другие коммерческие структуры, занятые традиционными промыслами, но не относящиеся к сообществам коренных народов Севера (ст. 16).

Наконец, устанавливался налоговый иммунитет членов общины по доходам от традиционного сектора экономики. Община, ее союзы и другие объединения также могут освобождаться от иных налогов, в том числе - за землю, если это соответствует действующим федеральным законам или законам республики Якутия (ст. 18). Таким образом, обе части рассмотренного закона в совокупности создают юридические условия, при которых проводимые извне модернизационные начинания проходят сквозь мембрану воссозданных социальных институтов коренных народов, адаптирующих инновации к возможностям их реципиентов.

Общая же оценка региональному нормотворчеству в сфере правового обеспечения процессов адаптации малочисленных народов Севера к модернизационным изменениям, происходящим в современном российском обществе, будет таковой. В нем есть немало позитивных сторон, которые не просто способствуют прекращению маргинализации аборигенного населения. На базе реконструкции традиционного сектора хозяйства того или иного этноса, они воссоздают после 60-ти летнего перерыва наиболее приемлемую для них форму общинной организации. Это делает более стабильными основы для дальнейшего введения инноваций в дезорганизованные и дезориентированные аборигенные меньшинства, то есть для их полноценной интеграции в жизнь страны. Стоит также обратить внимание на полное соответствие этой введенной в 1992-1993 гг. на местном уровне формы самоорганизации аборигенных групп закону о Национально-культурной автономии 1996 г. В этом смысле законы субъектов федерации о территориально-родовых сообществах являются инструментами стимулирования дина-

мичного, позитивного социо-этнического развития коренного населения, но как бы в облегченной форме, в рамках особенностей их культурных комплексов, мировосприятия, природопользования и специфики исторического опыта.

Тем самым проанализированные установления, соответствуя по содержанию наиболее перспективным разработкам ООН или МОТ, во многом сглаживают противоречия типа “этноспецифическое-общесоциальное”, “традиционное-современное”. И дилемма “сохранение традиционного общества в режиме прозябания или же обретение им преимуществ прогресса с утратой самобытности” переходит из области эмоциональной риторики в сферу поэтапных конструктивных действий. Их вектор - групповая интеграция в современный мир. В этом смысле концепция законодательства регионов России противостоит идее индивидуального адаптирования аборигенов к изменившимся условиям, которая в случае успеха ведет к ассимиляции малочисленного этноса, а в случае провала - к его маргинализации. Поэтому региональное нормотворчество выступает во многом в качестве приемлемой программы социо-экономической реконструкции традиционных сообществ, по содержанию совпадающей с намерениями коренных жителей Севера.

Вместе с тем перенос де-факто решения общероссийской проблемы правового регулирования модернизации жизни традиционных этносов с федерального на региональный уровень имеет негативные аспекты. Он в действительности не создает в изучаемой нами области целостного правового пространства. Кардинальное решение соответствующей проблемы как бы подменяется не связанными между собой паллиативами или же разработкой чисто компенсационных механизмов защиты традиционного уклада. При этом в конкретных российских условиях возник любопытный парадокс. Законотворческие начинания субъектов федерации в области аборигенного права по сути подстраиваются под пока еще не существующее общефедеральное положение об особом правовом статусе коренных народов страны.

В подобном контексте общая недостаточность юридической базы отражается в самом содержании законов, принятых регионами, ибо они вынуждены совмещать в себе и концептуальные установки, и конкретные регуляции. Между тем мировой опыт показывает, что законодательство федеративного государства наиболее эффективно тогда, когда такие начала разведены соответственно на федеральном и региональном уровнях. Нарушение этой соподчиненности означает, что в масштабе всей страны модернизационные процессы, идущие среди ее аборигенного населения, как и в недавнем прошлом, лишается эффективного инструмента целенаправленного регулирования. А это, как свидетельствует опыт, обычно ведет к тому, что

неизбежные издержки интеграции коренных народов в современное общество начинают перевешивать социальные выгоды, которые несут с собой изменения.

Vladislav Steljmah, Natalija Skorobogatyh

UROĐENIČKI IZAZOV – POSTSOVJETSKI ODGOVOR: MOGU LI SE OD MODERNIZACIJSKOG ŠOKA IZBAVITI UROĐENIČKI NARODI RUSIJE?

SAŽETAK

Tekst obrađuje temu urođeničkih naroda u Rusiji u postsovjetskom dobu. Autori se prvo pitaju: koji se narodi mogu smatrati urođeničkim, odnosno kako razlikovati “urođeničke narode” od “malih etničkih skupina” ili “etničkih manjina”? Rješenje im nudi Konvencija br. 169 Međunarodne organizacije rada, koja ističe dva kriterija: a) društveno ustrojstvo koje održava predrđavne razine življenja, više-manje tradicionalno gospodarstvo i ostatke kolektivnog zemljovlasništva, b) osobitost svjetonazora o poretku stvari, sakralizaciji prirode, zemlje i njezinih resursa. Prema toj shemi 26 etnija na sjeveru i istoku Ruske Federacije mogu se smatrati urođeničkim. Njihova ukupna brojnost ne prelazi 9% žiteljstva dotičnih krajeva. Suvremeno im je stanje krizno, među inim, zbog propadanja prijašnjih gospodarskih oblika i opće dekulturnacije, neravnopravnog sudjelovanja u suvremenom gospodarstvu, demografske katastrofe, lošeg zdravstvenog stanja, pogoršanoga alkoholizmom, uz porast samoubojstava i depresije. Autori nalaze razloge za tu krizu: 1) u modernizacijskom šoku što ga sve tradicionalne kulture osjete u dodiru s industrijskim/postindustrijskim društvom, 2) u svojedobnom grubom miješanju sovjetske vlasti u tradicionalne načine života, 3) u nedefiniranom pravnom statusu i sustavu za zaštitu urođenika i 4) u dugogodišnjem ignoriranju gledišta samih urođenika o njihovu mjestu u širem društvu. U nastavku, opisuju se tri modela prilagodbe modernizaciji: *potpuna adaptacija*, *nepotpuna adaptacija* i *odsutnost adaptacije*. Prvi je tipičan za pojedince, ali na grupnoj razini ne održava etničnost. Treći model vodi do etničke samoizolacije, što nije često u Rusiji. Prevladava treći model – odbijanje marginalizacije i težnja za uključivanjem u šire društvo, ali ne nauštrb etničke osobitosti. Isto je izrazila i Deklaracija o slobodnom razvitku naroda Sjevera, usvojena 1991. na Međunarodnoj konferenciji naroda Sjevera. Deklaracija je istaknula: 1) očuvanje etničke samobitnosti, 2) prerastanje urođenika iz objekata modernizacije u njezine aktivne subjekte i 3) održavanje ravnoteže između općih građanskih prava i prava urođeničkih naroda. Značaj veze s okolnom sredinom ima i ekološku osnovu, jer urođenički narodi vide svoje vlastite zakone, običaje i sustave korištenja prirodnih resursa kao dio svoga kulturnog bogatstva. Deklaracija za njih traži sva ljudska prava i osnovne slobode, uz dodatne zahtjeve (uvažavanje dostojanstva i osobitosti kulture, povijesti i tradicija, novčanu i tehničku pomoć, naknadu za opustošenu zemlju, zaštitu tradicionalnih intelektualnih oblika – književnost, crteži i sl., stvaranje vlastitih sustava obrazovanja). No novine u svakodnevi obično znače napuštanje dijela vlastitih običaja — što se pokazalo u gospodarstvu. Ako ne može pronaći privrednu “nišu”, tradicionalno gospodarstvo propada ili postaje tek “etnografski biznis” (sezonska proizvodnja suvenira i sl.). Još je “Konvencija 26” koju je 1990. donio Jakutski sovjet Udruženja malobrojnih naroda Sjevera, iznijela program za postupnu integraciju u suvremeno društvo. Tekst je tražio: 1) prava naroda Sjevera na svoje iskonske zemlje i primorja, 2) stvaranje rezervatskih zona u njihovim povijesnim teritorijima, 3) ozakonjenje ne samo privatnoga nego i tradicionalnog općinsko-rodovskog korištenja posjeda i nekadašnji porezni imunitet. Zatražena je i uspostava ustanova (rodovskih savjeta) radi zaštite kulturne samobitnosti. Status urođenika zajamčila bi federalna vlast, koja bi pružila zakonodavnu podršku samoupravi i novčanu pomoć urođeničkim inicijativama. Autori ocjenjuju zahtjeve “Konvencije 26” kao neotradicionalizam – obnova tradicionalne kulture nema cilj odbiti utjecaj svega “vanjskoga” nego osigurati stabilnost u novim uvjetima. Ipak, odgovor postsovjetskog društva nije bio

dostatan – budući se zakoni nisu dobro razradili na federalnoj razini, ostalo je da se to učini na regionalnoj. Među prvim primjerima bio je zakon Republike Burjatije iz 1991. "O pravnom statusu evenkijskih seoskih sovjeta". Slijedile su 1992. "Uredba o statusu rodovskih posjeda" Hanti-Mansijske Autonomne oblasti i "Uredba" Korjačke AO. Drukčiji bio je zakon Republike Jakutije iz iste godine "O nomadskoj rodovskoj općini malobrojnih naroda Sjevera". Jakutski zakon obradio je teritorijalno-rodovsku općinu kao osebujnu ustanovu građanskog društva smještenu između urođenika-pojedinaca i državnih vlasti. Autori ocjenjuju ovo regionalno zakonodavstvo kao pozitivno. Primjerice, nakon šezdesetogodišnjeg prekida vraća se prikladniji oblik općinske organizacije, što stvara stabilnije osnove za uvođenje novina u dezorganizirane i dezorijentirane urođeničke manjine. No rješavanje općih problema regulative na regionalnoj razini ne osigurava cjelovitost pravnoga prostora. Regije moraju pronaći i načelna i praktična rješenja, iako svjetsko iskustvo pokazuje da je najbolje kad se to dvoje razdjeli između federalnih i regionalnih vlasti. Narušavanjem koordinacije modernizacijski procesi koji utječu na urođeničko stanovništvo ostaju bez učinkovite i potpune regulative.

KLJUČNE RIJEČI: urođenički narodi, Rusija, modernizacija, etničnost, pravna regulativa

Vladimir Stelymakh, Natalia Skorobogatykh

THE ABORIGINAL CHALLENGE – THE POST-SOVIET RESPONSE: CAN THE ABORIGINAL PEOPLES OF RUSSIA BE RESCUED FROM THE MODERNISATION SHOCK?

SUMMARY

The paper treats the theme of aboriginal/native peoples in Post-Soviet Russia. First the authors ask: how is a people to be defined as aboriginal, or else how can such a people be distinguished from "small ethnic groups" or "ethnic minorities"? They find an answer in Convention No. 169 of the International Labour Organisation, which gives two criteria: a) a social type in which pre-state forms are maintained, a more or less traditional economy and remains of collective land ownership, b) a specific view of the world, sacralisation of nature, the land and its resources. According to this, 26 ethnic groups in the North and Far East of the Russian Federation can be termed aboriginal. Their total number does not surpass 9% of the population of these areas. Their present situation is marked by crisis, caused, *inter alia*, by the demise of former economic forms and general deculturation, unequal participation in the modern economy, demographic catastrophe, a poor health situation, aggravated by alcoholism, with also an increase of suicides and depression. The authors find the reasons for this crisis in: 1) the modernisation shock which traditional societies always suffer when coming into contact with industrial or post-industrial societies, 2) crude interference in the Soviet period into traditional modes of livings, 3) an undefined legal status and system for the protection of aboriginals and 4) years of ignoring the opinions of the latter regarding their position in the broader society. The authors identify three models of adaptation to modernisation: *full adaptation*, *partial adaptation* and *no adaptation*. The first is typical of individuals, but on the group level does not preserve ethnicity. The third leads to ethnic self-isolation, which is rare in Russia. The third model dominates – it entails rejection of marginalisation and a striving to be included into the broader society, but not at the expense of ethnic specificity. This was expressed by the Declaration on the Free Development of Northern Peoples, accepted during the International Conference of Northern Peoples in 1990. The Declaration emphasised: 1) preservation of ethnic specificity, 2) transformation of native peoples from objects of modernisation processes into their active subjects, 3) a balance between general civil rights and rights of native peoples. Typical is also the relationship to the surrounding *milieu*, since native peoples see their own laws, customs and ways of using natural resources as part

of their cultural wealth. Along with general human rights and basic freedoms, the Declaration made also special requests (respect for the dignity and particularity of culture, history, traditions, financial and technical aid, protection of traditional intellectual forms – literature, drawings, etc., creation of aboriginal education systems). Yet, innovations in daily life often mean abandoning a part of traditional culture – as was shown in the economy. If it cannot find special productive niche, the traditional economy either declines or becomes only “ethnographic business” (the seasonal production of souvenirs, etc.). “Convention 26” formulated in 1990 by the Yakut Soviet of the Association of Small Northern Peoples laid out a programme for gradual integration into modern society. It upheld: 1) the right of northern peoples to their ancient lands and sea shores, 2) creation of reserved zones in their historical territories, 3) legalisation not only of private but also of tradition communal-kinsman land use as well as former tax exemption. The creation of institutions (councils of kinsmen) for the protection of culture was also upheld. Aboriginal status was to be guaranteed by the federal government, which would provide legal support for self-government and financial assistance for aboriginal initiatives. The authors label “Convention 26” neotraditional, in that revitalisation of traditional culture is not pursued to combat all “outside” influences but to provide stability in the new conditions. However, the response of Post-Soviet society was not adequate. Since legislation was not enacted in due time on the federal level, regularisation had to be left to the regional levels. One of the first examples was the 1991 law by the Republic of Buryatia “On the legal status of Evenki village soviets”. In 1992 followed the “Regulation on the status of kin property” by the Hanti-Mansi Autonomous Region and the “Regulation” of the Koryak AR. Different was the 1992 law of the Republic of Yakutia “On nomadic kin communities among small peoples of the North”. It treated the territorial-kin community as an institution of civil society between the individuals and the state authorities. The authors evaluate this regional legislation as positive. For example, the return of the kin community after a break of some 60 years creates more stabile foundations for the introduction of innovations among disorganised and disoriented aboriginal minorities. Yet solving general problems on the regional level does not ensure integration of the legislative sphere. Regions must find both conceptual and practical solutions, although general experience in the world has shown that it is best to divide the two between federal and regional authorities. With the breakdown of co-ordination the modernisation process that effects the aboriginal population is left without effective and complete regulation.

KEY WORDS: aboriginal/native peoples, Russia, modernisation, ethnicity, legislation